

● ТЕАТР: Творчество — это вечный поиск!

● ЛИТЕРАТУРА: Наследие Маяковского и его критики.

● НАУКА: Человек и кибернетика.

статья

письмо

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР

ИСКАТЬ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

В ЖИЗНИ каждого художника бывает не только болдинская осень, но и пора неудач. И это верно не только в отношении отдельных художников, но и целых коллективов. История такого сложного творческого организма, как МХАТ, уже переживавшая за последнее десятилетие, знает несколько подобных периодов, определявшихся разными причинами: самим временем, сменой актерских поколений, репертуарными трудностями и так далее. И каждый раз, едва наступали трудные для театра дни, раздавались «пророческие» голоса и кое-кто спешил похоронить МХАТ, называя его искусство отжившим, устарелым, ненужным.

Я не верю скептикам, потому что на собственном опыте отлично знаю, какая это мучительная и сложная штука — творческий труд, неудачи и поражения в котором естественны и неизбежны.

Я не верю скептикам, хотя чувствую, что сегодня Художественный театр переживает полосу трудностей. Но прежде чем высказать и мое мнение по этому поводу, мне хотелось бы еще раз напомнить: чтобы судить, надо понять, — понять, чтобы помочь. И, может быть, сейчас особенно уместен в отношении МХАТа призыв: больше серьезности, вдумчивости, доброжелательной заинтересованности в суждениях, критических прогнозах и советах. Слишком дорог всем нам этот театр, вдохновленный гением Станиславского, открывший новую эпоху театрального искусства, театр, который с первых дней своего существования неразрывно слит с жизнью своей страны, своего народа, театр, на знаменах которого начертано великое слово — Человечность.

Я кровно связан с МХАТом и даже в мыслях своих не могу оторвать себя от него. И много раз я спрашивал себя: а чем я, лично я, мог бы помочь этому бесконечно дорогому для меня театру? Сегодняшнее положение МХАТа требует самого серьезного анализа, и не так-то легко и просто обнаружить действительные причины того, почему театр перестал быть монолитом, почему прекрасные художники, работающие в нем, люди, к которым я испытываю чувство глубочайшего уважения, не могут проявить полностью свои силы, талант и мастерство.

Когда мне предложили высказаться по поводу МХАТа, я, по правде говоря, сначала решил отмолчаться. Не из боязни испортить с кем-то отношения, но от сознания ответственности вопроса, для решения которого нужна абсолютная и полная отдача, а я, к сожалению, лишен такой возможности, ибо очень загружен работой.

И все-таки я пишу эти заметки, и больше всего мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь углядел в них желание поучать и наставлять. Нет, они продиктованы величайшей любовью к МХАТу и тревогой за его судьбу.

Сегодня, в преддверии столетнего юбилея К. С. Станиславского, чувство ответственности за театр, созданный им, за будущее МХАТа особенно горячо и ошутимо.

Мне хотелось бы передать ту огромную настороженность ожидания, которую испытываем все мы, друзья МХАТа. Мне хотелось бы пожелать театру коллективной мудрости. Не стоит каждому из членов коллектива в отдельности доказывать свою индивидуальную правоту, нужно всем вместе искать то утраченное единство, которое одно только и позволит театру устремиться вперед и выше. В основу этого единства должно быть положено этическое начало, которое порой обидно недооценивается в учении Станиславского. Этика Станиславского, ничего общего не имеющая с утверждением христианской добродетели и благодушия, воинственна и наступательна по своему характеру. Она сражается против эгоизма, во имя принципиальности, утверждает единство, товарищество, братство художников, посвятивших себя общему и великому делу искусства.

Этика Станиславского поможет театрам стать своеобразными художественными бригадами коммунистического труда, освободиться от всего того, что мешает им, МХАТу в частности, обрести новую молодую силу.

В обстоятельных статьях Т. Чеботаревской и Ю. Зубкова, которые опубликовала «Литературная газета», наиболее интересным и значительным показался мне анализ причин сегодняшнего тяжелого положения МХАТа.

Думаю, что две основные проблемы, в которые упираются сегодняшние трудности театра, — проблемы традиций и режиссуры. По этому поводу мне и хотелось бы высказать несколько соображений.

Мхатовцы любят говорить: так бы сделал Станиславский, а так бы он не сделал. Это нам подходит, потому что это принял бы Станиславский, а вот это — нет, потому что это было бы невозможно при нем... Сама постановка вопроса кажется мне неверной. Есть глубочайшая, принципиальная разница в том, следовать ли конкретным примерам Станиславского или законам, которые он открыл. В МХАТе чаще стараются следовать примерам, конкретным частностям, деталям прошлых спектаклей, поставленных Станиславским и Немировичем-Данченко. Вспоминают... А я глубоко уверен, что живи сегодня гениальный реформатор театра, он был бы совершенно другим, чем его помнят сегодняшние мхатовцы, и другими были бы его постановки. Все учение Станиславского утверждает вечную изменчивость, молодость театра. Не случайно так ценил Константин Сергеевич самостоятельность избранных путей в своих учениках. Вахтангов был самый непохожий из всех и самый любимый Станиславским.

Идут десятилетия, все меньше и меньше людей, которые знали Станиславского в жизни. Потому особенно строго должны мы относиться к малейшим попыткам исказить образ учителя, наложить на него елейный глянec, придать ему, такому живому, каменную монументальность и неподвижность. На Западе немало охотников представить Константина Сергеевича эдаким постным мудрецом, не улыбающимся отшельником. А он был великим жизнелюбом. Радостью бытия, огромным душевным здоровьем пронизаны поздние постановки Станиславского «Горячее сердце», «Женитьба Фигаро» в МХАТе, «Севильский цирюльник» в оперной студии, которое он осуществил, уже будучи в преклонном возрасте. Вдохновенную, яркую театральность утверждают эти спектакли, а не тот камерный психологизм, к которому кое-кто хочет свести все учение Станиславского. Не случайно безоговорочно принял Станиславский вахтанговскую «Турандот», хотя и выступал против канонизации приемов и находок Вахтангова. Канонизация, догматизм — все это было бесконечно чуждо чуткой, подвижной натуре Станиславского.

Сомневаться в том, что МХАТ и сегодня есть средоточие одареннейших художников сцены, по-моему, не придет в голову даже самому критически настроенному по отношению к театру человеку. В большей мере это относится к актерскому составу МХАТа, в меньшей — к режиссуре, но и к режиссуре тоже, безусловно. В театре работает талантливый мастер Михаил Кедров. Я много лет знаю П. Маркова, умного художника, беспредельно преданного искусству и МХАТу. Г. Конский, Б. Ливанов, И. Раевский, В. Станицын, М. Яншин... Их много, талантливых режиссеров и педагогов мхатовской школы. Режиссеры есть, и нет одного: художественного вождя. А ведь именно в МХАТе родился новый тип руководителя — идейного и творческого вожака коллектива, художника, располагающего огромным арсеналом выразительных средств.

Редкостный репертуарный разноречивый, как правило, чрезвычайно затянута работа над постановками, расточительное отношение к творческим ресурсам, ибо великолеп-

ные актеры годами не показываются на сцене в новых работах, — вот очевидные результаты отсутствия единого творческого руководства в театре. Сегодня над театром нависла реальная опасность будней. Все ошутимей недостаток того беспокойства поисков, той безоглядной творческой смелости и безбоязненности устремлений, которые положили начало театру и завоевали ему мировую славу и любовь.

Повторяю, сегодняшнее положение не кажется мне необратимым и окончательным. Я верю, что МХАТ с честью выйдет из испытаний.

И пусть простят мне мхатовцы отрывочность и неполноту моих высказываний. Я оставляю за собой право еще раз вернуться к этой теме в дни столетия Станиславского, ибо знаю, что ничего, кроме пользы, не может принести театру серьезный, доброжелательный и откровенный разговор о его творчестве. Но все-таки главную надежду я возлагаю на самих мхатовцев. Верю, что жива в них и проявится с новой силой замечательная способность, унаследованная от великих учителей, — способность искать и не сдаваться.